

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ, АВТОРИТЕТ И ДОВЕРИЕ: В ЗАЩИТУ ТЕОРИИ Л. ЗАГЗЕБСКИ*

Маслов Денис Константинович – младший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: denn.maslov@gmail.com

В основании теории эпистемического авторитета, разработанной Л. Загзебски, лежат т.н. личные основания, в частности доверие, возникающее на основе восхищения. Мы намерены представить ее теорию и рассмотреть два критических аргумента, предложив разрешение поднятых проблем в защиту теории Загзебски. Первый аргумент касается круговой зависимости эпистемической автономии и авторитета, когда для возможности определения авторитета и придания этого статуса всегда уже требуется обладание автономией в смысле наличия достаточного содержательного знания в релевантной области. Иными словами, требуется самому обладать эпистемическим авторитетом. Мы полагаем, что делегирование доверия возможно на основе автономии, понимаемой как способность эпистемического действия, и нормативном пред-знании, которое позволяет оценить эпистемические способности других людей. Второй аргумент утверждает необходимость содержательного контроля за высказываниями эпистемического авторитета. Это идет вразрез с тезисами Загзебски о решающем (pre-emptive) характере высказываний эпистемического авторитета и принятия свидетельства авторитета вне зависимости от его содержания. Такого рода требование содержательной критики упускает природу эпистемического авторитета и тем самым устраняет его. Вместо содержательного контроля возможна последующая рефлексия над эпистемическими качествами и действиями авторитета и рефлексия над истоками нашего эпистемического восхищения, лежащего в основании доверия. В результате этого доверие может быть отозвано постфактум в случае нарушения эпистемических норм авторитетом.

Ключевые слова: эпистемическая автономия, эпистемический авторитет, эпистемология авторитета, эпистемическое доверие, Л. Загзебски

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10082). This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10082.

ЕPISTEMIC AUTONOMY, AUTHORITY AND TRUST: IN DEFENSE OF ZAGZEBSKI'S THEORY

Denis K. Maslov –
Junior Research Fellow.
Institute of Philosophy
and Law, Siberian Branch
of the Russian Academy
of Sciences.
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk
630090, Russian Federation;
e-mail: denn.maslov@
gmail.com

Epistemic authority, according to L. Zagzebski's theory, is essentially based on deliberative or first-personal reasons, which originate from epistemic admiration. In what follows, I shortly reconstruct her theory and try to defend it against two critical arguments. The first argument calls attention to circular relation of epistemic autonomy and authority. In order to determine the authoritative person for me, I always have to possess epistemic autonomy, which is understood as knowledge in the given domain. Thus I myself have to have authority in the given domain in order to invest authority. I try to show that the investment of trust is based upon autonomy interpreted as an ability to exercise epistemic actions, accompanied by normative foreknowledge, that allows us to assess epistemic abilities and invest our trust without having sufficient propositional knowledge. The second argument insists on theoretical control for authoritative evidence and testimony. That contradicts preemptive character and content-independence inherent to authoritative testimony. Hence, this argument entirely misses the point of epistemic authority. Instead, as I argue, one can control epistemic authority by future reflexion on its conscientiousness and epistemic exercise as well as on origins of my admiration for authority. As a consequence, the trust invested in authority can be withdrawn and redistributed.

Keywords: epistemic autonomy, epistemic authority, epistemology of authority, testimonial knowledge, epistemic trust, L. Zagzebski

Эпистемический авторитет и эпистемическая автономия в теории Линды Загзебски

На первый взгляд идеи эпистемического авторитета и эпистемической автономии находятся в конфликте. Их можно соотносить соответственно с традиционализмом доновременной философии и индивидуализмом/либерализмом философии модерна, которая принципиально господствует и по сей день [Zagzebski, 2012, Ch. 1; Загзебски, 2017, с. 93–94]. В очень грубой форме можно сказать, что одна из ключевых идей нововременной философии состоит в утверждении автономии индивида, познающего и действующего субъекта, из чего проистекает доверие к его естественным познавательным способностям – опыту и разуму, лежащих в основании науки. Авторитет церковной традиции и предания в этом отношении оказывается скомпрометирован и считается представителями нововременного мейнстрима источником заблуждений, суеверий и сознательного обмана. Эта тенденция,

которая является важной для самопонимания современной философии и может выглядеть спорной в глазах религиозно-философской традиции, была выражена Кантом в его знаменитом призыве к достижению совершеннолетия в мышлении, призыве мыслить самостоятельно, а не с помощью авторитета книги, институции и т.д.¹

До недавнего времени аналитическая эпистемология изучала преимущественно условия успешного познания с точки зрения абстрактного единичного познающего субъекта. Социальные аспекты познания оставались вне поля зрения. В этом отношении просвещенческая идея недоверия к авторитету и установка на эпистемическую самостоятельность, автономию субъекта, сильна до сих пор. Однако такой эпистемический индивидуализм имеет свои ограничения. Идея автономии в познании в своей крайней форме оборачивается эпистемическим эгоизмом и оказывается абсурдной. Э. Фрикер удачно сформулировала эту позицию следующим образом: «Полностью автономный познающий субъект (knower) не примет ни одну пропозицию [за истинную], если только он сам не обладает свидетельствами (evidence), устанавливающими ее истинность. Таким образом, он не примет ничего на основании слов других людей, даже если он располагает свидетельствами их надежности по рассматриваемому вопросу» [Fricker, 2006, p. 225], сходного понимания придерживается и [Zagzebski, 2012, p. 52]. Такого рода эгоизм критически сокращает объем нашего знания и поэтому оказывается неудовлетворительной альтернативой. Очевидно, что большую часть наших мнений мы фактически перенимаем от других людей в ходе социализации и обучения. Даже самостоятельно сформированные мнения нуждаются в интересующей проверке ввиду возможного заблуждения, самообмана и т.д. [Ibid., p. 12]. Загзебски идет дальше и отвергает также и умеренный эпистемический эгоизм и опору на свои силы (self-reliance) как внутренне несогласованный идеал [Ibid., p. 52].

Тем не менее в своей защите идеи авторитета Загзебски методологически исходит именно из автономии и авторитета единичного познающего агента и стремится показать необходимость эпистемического авторитета для достижения целей единичного субъекта познания: «Мы должны принимать определенных людей и сообщества в качестве эпистемического авторитета. Это традиционалистское

¹ Стоит заметить, что аналогично совершались изменения в политической мысли, когда на смену божественному авторитету как модели легитимации правителя и институций приходят договорные модели устройства политической власти, в которых власть как политический авторитет делегируется правителю. Интересным в этой связи представляется, что Загзебски открыто выстраивает свою аргументацию по примеру модели обоснования политического авторитета, предложенной Дж. Рацем.

заклучение не нарушает нашу автономию; в действительности, это рациональное требование автономии» [Zagzebski, 2012, p. 252]. В переведенной на русский язык статье [Загзебски, 2017] эта стратегия именуется как «либеральная защита» эпистемического авторитета. Она выстраивается по аналогии с обоснованием политического авторитета и методологически исходит из точки зрения индивида.

Автономия не обязательно находится в противоречии с авторитетом, напротив, она тесно связана с ним. Автономия, согласно определению Загзебски, это «право (right) или идеал, когда мы не подчиняемся ничему, кроме собственной разумной воли», т.е. это прежде всего полномочия (т.е. авторитет) управлять *своими* эпистемическими действиями [Zagzebski, 2012, p. 19]. В этом отношении мы исходим из доверия к себе и своим способностям выносить суждение, распределять доверие и т.д. Исходя из доверия к себе и согласно принципу равного отношения к одинаковым способностям, мы можем оказывать доверие другим людям и их мнениям и свидетельствам. Это верно в той мере, в которой они соответствуют разделяемым нами нормам и демонстрируют хорошие эпистемические способности и добросовестность (conscientiousness), которые не уступают нашим. Поэтому мнение другого познающего субъекта, что *p*, будет являться *prima facie* основанием для меня считать, что *p* [Ibid., p. 57–58, 68]. Более того, для достижения эпистемической цели разумным окажется доверие тем, чьи способности превосходят наши собственные. Тем самым Загзебски трактует проблему (внешнего) эпистемического авторитета как делегации моего авторитета на основании моей автономии и доверия с моей стороны другим субъектам для наилучшего достижения моей эпистемической цели – истины. Это верно для тех случаев, когда я доверяю (даже больше, чем себе) тем, кто эпистемически лучше меня и не менее добросовестно использует свои способности. Это приведет к достижению мной истины лучшим образом, чем если бы я опирался только на свои силы и способности. Таким образом, доверие к другим обосновано не менее, чем доверие к себе, и доверие к другим проистекает из доверия к самому себе. Доверие к другим в той же степени рационально, как и доверие к самому себе, разумеется, при вышеуказанных условиях [Ibid., p. 60, 69, 73]. «Общая идея состоит в том, что эпистемическим авторитетом является тот, кто поступает так же, как поступил бы я сам, если бы я был более добросовестным или лучше в достижении цели этой добросовестной деятельности – достижения истины. Но поскольку доверие этому конкретному авторитету дается на основании доверия к себе, основание моего доверия к авторитету зависит от меня...» [Ibid., p. 108–109]. Эпистемический авторитет оказывается производным от эпистемической автономии.

Доверие является личным (first-personal) или осознанным, обдуманым основанием (Загзебски охотно использует термин «deliberative reason») для веры в p и произрастает из эпистемического восхищения (admiration). Доверие – это эмоция, которая связывает *меня* с мнением p , и, согласно Загзебски, принципиально отличается от содержательных, теоретических (third-personal) аргументов в пользу p^2 . (Далее мы будем именовать эти виды оснований как личные и теоретические соответственно.) Эти виды оснований не могут суммироваться (aggregate) и поэтому оказываются обособленными друг от друга [Zagzebski, 2012, p. 130–131]. Доверие – это личное основание для веры в p , которое не имеет статуса основания для других агентов, но только для *меня* [Ibid., p. 64, 68]. Доверие может возникать по разным причинам (например, в силу любви). В эпистемологическом аспекте как основание для доверия Загзебски выделяет *мое* восхищение эпистемической добросовестностью, способностями и их осуществлением в познавательной деятельности других субъектов [Ibid., p. 105]. Доверие рождается как доверие к *моей* эмоции и переносится на объект восхищения: «Я восхищаюсь эпистемической добросовестностью, и я доверяю моему восхищению» [Ibid., p. 91]. Благодаря восхищению рождается желание имитировать и учиться у того, кто вызывает восхищение, в той мере, в которой оно ведет к эпистемическому совершенствованию и интериоризации эпистемических добродетелей, таких как интеллектуальная честность, тщательность, добросовестность и т.д. [Ibid., p. 90–91]. Это дает нам основания доверять мнению авторитета, поскольку мое доверие к себе и своим нормам приводит *меня* через восхищение к доверию другим. Таким образом, доверие играет центральную роль

² В настоящем случае термин «теоретический» не противопоставляется термину «эмпирический», а отсылает к содержательным аргументам в пользу пропозиции p , в числе которых могут быть как эмпирические аргументы, так и логические, как, например, необходимость следования, противоречие и т.д. (Ср. также термин «теоретическая философия» у Канта, которая занимается обоснованием эмпирического знания, так что эмпирические свидетельства относятся к теоретическому знанию, а не практическому.) Тем самым теоретический аргумент как содержательный и доступный открытому обсуждению и обоснованию отличается от моих личных размышлений, основанных на моих склонностях, эмоциях, моем личном восхищении и доверии к тому или иному человеку. Противопоставление теоретических и личных оснований со стороны Загзебски наводит на мысль, что она рассматривает теоретические основания как принудительные, исключающие наше волевое участие, так что при наличии достаточного свидетельства в пользу p субъект необходимо должен будет полагать, что p (т.н. доксистический инволюнтаризм, ср.: [Бутаков, 2020, с. 171, примеч. 5]). В противовес этому, личные основания предполагают возможность рефлексии над своими эмоциями и сознательное управление доверием.

в эпистемологии авторитета и свидетельском знании (testimonial knowledge)⁵.

Эпистемический авторитет обосновывают два момента. Во-первых, следует признать кого-то в качестве авторитета и поэтому следовать его мнению или указанию к принятию мнения, что p , если я согласно своему сознательному суждению тем самым получу лучшие шансы на обретение истинного мнения, чем если бы я старался сформировать мнение самостоятельно. Во-вторых, нужно признать кого-то в качестве авторитета и следовать его указанию, если я таким образом сформирую мнение, которое пройдет мою будущую сознательную рефлексивную проверку [Zagzebski, 2012, p. 110–111, 148]. Таким образом, причина принятия мнения или свидетельства авторитета в том, что тем самым мы скорее найдем истинное мнение, которое выдержит будущую рефлексивную проверку согласно нашим стандартам⁴.

Необходимо эксплицитно сформулировать два принципа Загзебски, важные для наших целей. 1. Принцип преимущественности (preemption): Свидетельство авторитета носит характер *преимущественного* или *замещающего* свидетельства (preemptive), т.е. решающего основания для принятия p . Свидетельство эпистемического авторитета в таком качестве *замещает* и перевешивает все другие относящиеся к делу основания, а не суммируется с ними [Ibid., p. 102–103, 107, 116]. 2. Принцип независимости от содержания: Свидетельство авторитета должно приниматься нами в качестве достаточного основания для веры в p независимо от содержания этого свидетельства и его теоретической обоснованности, но исключительно в силу того, что оно исходит от авторитета [суммарно см. Загзебски, 2017, с. 96–103]. В этом состоит наша зависимость от авторитета по поводу формирования мнения. При этом пропозициональное содержание мнения не должно играть роли при принятии свидетельства авторитета. Если бы авторитет заявлял, что вместо p истинным является $\neg p$, то нужно было бы следовать указанию авторитета при прочих равных условиях, невзирая на теоретические основания. (Загзебски добавляет: если это мнение пройдет мою сознательную проверку и лучшим образом поможет мне достичь истины [Zagzebski, 2012, p. 102, 110–111, 148]). Итак, исходя из доверия

³ Подробнее о тестимониальном, или свидетельском, знании см. [Fricker, 2006; Fumerton, 2006; Keren, 2007; Wright, 2016], а также краткий обзор позиций в дискуссии о природе такого знания в [Маслов, 2020, с. 64–66].

⁴ Важным моментом является то, что я и эпистемический авторитет разделяем одни и те же эпистемические нормативные стандарты, причем эпистемический авторитет следует им лучше (или как минимум не хуже) меня. Благодаря этому я в своей рефлексивной оценке авторитета могу оценивать его эпистемическую деятельность.

нужно принимать авторитетные свидетельства в качестве преимущественного основания для мнения без опоры на теоретическую обоснованность этого мнения.

Все сказанное распространяется и на мое сообщество как коллективный субъект (например, конкретную институцию – научный или экспертный совет), которому я могу приписывать статус эпистемического авторитета⁵.

Автономия как способность суждения

И. Гаспаров выдвинул аргумент о круговом характере зависимости автономии и авторитета и подчеркнул их частичное тождество. Автономия предполагает авторитет и наоборот: «[Т]рудно понять, как познающий субъект может обладать достаточной эпистемической автономией, если при этом он не является / не обладает релевантным эпистемическим авторитетом» [Гаспаров, 2017, с. 114]⁶. Загзебски упускает из виду, настаивает Гаспаров, что проблема состоит «в том, что часто именно те эпистемические субъекты, которым необходима эпистемическая помощь со стороны авторитета, не часто обладают достаточной автономией для того, чтобы решить, к какой именно помощи какого именно авторитета им следует обратиться. Иными словами, им не достаёт автономии для того, чтобы признать авторитет в качестве такового» [Там же, с. 115]. Таким образом, чтобы определить,

⁵ В первом приближении представляется несущественным, идет ли речь о познающем индивиде или институции, поскольку речь идет о соответствии познавательной деятельности тем нормам и стандартам, которые я разделяю и согласно которым я оцениваю добросовестность и эпистемические способности авторитета. Причина этого, как кажется, состоит в том, что сами эпистемические нормы и стандарты являются intersubjectively поддерживаемым социальным институтом, который может иметь или не иметь формальный статус, т.е. нормы могут быть закреплены или нет в качестве формальных стандартов. Делегируя эпистемический авторитет в области физики человеку с профильным физическим образованием, я тем самым косвенно признаю стандарты и нормы той институции, которая присвоила ему соответствующий статус (при добросовестном исполнении, т.е. в случае, если диплом не куплен и т.д.). И наоборот, если я доверяю институции (университету), я в нормальном случае буду доверять и человеку, получившему диплом этого университета. Доверяя суждению своего друга в бытовых вопросах, я доверяю общепринятому социальному институту здравого смысла и т.н. жизненного опыта. В случае, если мой друг опытен в починке машины и не был уличен во лжи, я принимаю его совет и поступаю так же, как поступил бы любой другой на моем месте. Разумеется, такая связь индивидуального и социального авторитета не означает, что контексты доверия индивиду и институции полностью совпадают.

⁶ Сходная проблема сформулирована в работе [Lehrer, 2006].

кто является эпистемическим авторитетом в предметной области В, нам нужно обладать автономией, и наоборот, для того, чтобы обладать автономией (для последующего определения эпистемического авторитета), нам нужно уже обладать эпистемическим авторитетом в предметной области В. Тем самым рассуждение оказывается связано парадоксом, аналогичным парадоксу Менона. А. Голдман, говоря об условиях определения эксперта и следования его мнению в некой предметной области, среди прочих критериев указывает мнение других экспертов [Goldman, 2011, p. 116]. Однако этот аргумент не помогает решению проблемы, поскольку он не решает вопроса об изначальном определении эксперта, но только воспроизводит проблему: как я могу доверять другим экспертам, если не в состоянии выяснить, что они заслуживают доверия как эксперты?⁷ Попытка разграничения авторитета и автономии как дополняющих друг друга через указания на конкретную область полномочий авторитета и отсутствие такого статуса в других областях также не решает проблему. Получив историческое образование, т.е. обладая минимальной автономией суждения (в смысле Гаспарова), я согласно критериям исторического сообщества могу определить авторитет в данной предметной области (скажем, отказать в таком статусе авторам «Новой хронологии»). В то же время я могу быть невеждой в другой предметной области (например, в математике) и не обладать такой автономией, которая мне позволит определить авторитета и корректно распределить доверие относительно математических суждений. Таким образом, проблема остается в силе, поскольку неясно, как совершается переход от автономии к авторитету при их отождествлении. Они должны быть различимы.

Мы исходим из того, что настоящая проблема основана на двусмысленности понятия «автономия». Как указывалось выше, автономия понимается как *право* распоряжаться своими эпистемическими ресурсами, равно как и авторитет – это *право* (т.е. обоснованное, легитимное полномочие) указывать другим то, во что они должны верить или делать. В такой формулировке мои автономия и авторитет оказываются неразличимы. Поэтому мы предлагаем понимать автономию прежде всего не как право или полномочие, но как метафизическое основание деятельности, т.е. как *способность* произвольно совершать эпистемические действия и в том числе распоряжаться своим доверием. Поэтому автономия как способность эпистемического действия влечет за собой минимальный эпистемический авторитет как

⁷ Ср. также мысль Секста Эмпирика о том, что, даже если мы почитаем кого-то за мудреца (т.е. приписываем статус эпистемического и может быть вместе с тем морального авторитета), сами не будучи мудрецами, мы сталкиваемся с невозможностью проверить истину, высказываемую мудрецом, так что всегда остается открытой возможность обмана или злоупотребления с его стороны [РН II 42].

доверие к самому себе на основе своей способности, в силу которой мы распоряжаемся своими эпистемическими ресурсами и можем доверять другим. Доверяя своей автономии, я могу доверять другим и поэтому наделять их статусом эпистемического авторитета.

В этом отношении автономию нужно отличать от эпистемического авторитета как обладания достаточным знанием в определенной предметной области. Я сам могу обладать низким эпистемическим авторитетом в предметной области В, но тем не менее быть автономным в моем управлении доверием согласно эпистемологическим принципам добросовестности и др., которые существуют в моем сообществе. Именно я и никто иной распределяю *мое* доверие в силу самой способности совершать эпистемические акты (выносить суждение, исследовать, принимать определенные эпистемические нормы, распределять доверие и т.д.). Эпистемическая автономия присуща всем субъектам, поскольку они способны распоряжаться своими эпистемическими ресурсами вне зависимости от конкретной предметной области и содержательного знания. Таким образом, обладая предметно неограниченной автономией, я могу более или менее успешно определять авторитет согласно моим эпистемическим нормам.

В указанном смысле автономия неотчуждаема. В каждом акте доверия другим эпистемическим агентам, согласия с кем-либо по поводу того, что *p* и т.д. (даже будучи обманутым), в конечном счете все эти действия я осуществляю на основе *моего* решения поверить. Поэтому я не приму решение о доверии другим без доверия к себе. Загзевски в этом отношении указывает на неизбежность эпистемического эгоцентризма, так как мое доверие к себе изначально, и на его основании я могу доверять другим, но не наоборот. Доверие к себе и доверие к другим несимметричны [Zagzebski, 2012, p. 61, 63]. Благодаря этому я могу возлагать эпистемический авторитет на других людей через делегацию моего доверия, однако в силу своей автономии я *всегда* могу отозвать свое доверие к некоторому эпистемическому агенту. Мое суждение может быть ошибочным и доверие может быть оказано по ошибке, однако это не исключает принципиальную возможность высказать истинное суждение (о том, что *p*, или о том, что кто-то заслуживает доверия). Тем самым я всегда могу исправить свою ошибку и улучшить свое представление о нормах или получить содержательное знание. Даже если я выношу суждение о том, что я заблуждаюсь и не могу доверять сам себе, я должен довериться этому моему суждению второго порядка о том, что мне требуется помощь со стороны эпистемического авторитета. При всем этом я сохраняю свою способность оценивать свои эпистемические действия и действия других людей, принимать решение о делегировании доверия в их пользу, если они лучше меня могут сформировать суждение, которое я могу перенять и получить истинное мнение.

Таким образом, автономия как способность суждения и проистекающее из нее доверие к себе оказываются необходимым атрибутом познающего субъекта, что позволяет в дальнейшем вынести суждение о доверии авторитету.

Наличие этой автономии суждения не требует изначально достаточного содержательного знания в предметной области В, поскольку, с одной стороны, уже предполагает способность эпистемического действия, что позволяет нам через доверие к способностям других оказывать им доверие. С другой стороны, предполагается некоторое социально опосредованное (нормативное) пред-знание, на основе которого мы можем ориентироваться. Иными словами, даже не обладая достаточным предметным знанием, мы можем выносить суждение о том, что другой субъект в силу его способностей может считаться авторитетом в области В. Это происходит, с одной стороны, произвольно, с другой же, в силу имеющегося у нас опыта и воспринятых в процессе социализации норм и правил эпистемического поведения. В силу социального характера любой деятельности, в т.ч. знания, мы всегда воспринимаем предзаданные сообществом нормы и опираемся на них в своей эпистемической деятельности, что вкупе с автономией позволяет нам делегировать доверие и отзываться его⁸.

Итак, автономия – это прежде всего *способность* к эпистемическим действиям, она дополняется наличием предзаданных эпистемических норм и стандартов, а не содержательным знанием в области В. У нас всегда уже имеется минимальный, содержательно не закрепленный авторитет, благодаря которому мы можем оценивать способности других субъектов и оказывать им доверие. Тем самым аргумент Гаспарова упускает из виду основной элемент аргумента Загзебски – доверие к себе на основании автономии как способности выносить суждения⁹.

⁸ Кроме того, И. Гаспаров высказал два скептических по своей природе аргумента против доверия, указывая на то, что из доверия к моим способностям еще не следует с необходимостью доверие к результатам моей познавательной деятельности в силу возможности ошибки. Более того, перенос моего доверия на другого познающего агента также оказывается проблематичным, поскольку этот акт требует адекватной оценки его способностей и также не гарантирует то, что его познавательная деятельность завершилась открытием истины [Гаспаров, 2017, с. 120]. Однако такие аргументы представляются слишком сильными, несоизмеримыми задачам теории Загзебски, поскольку она уже исходит из того, что мы можем знать и опираться на знание других благодаря нашим способностям. Тем не менее эта аргументация заслуживает внимания в более широком контексте, поскольку она ставит под вопрос основания эпистемологии добродетели в целом.

⁹ Как в таком случае относиться к дискурсу о потере автономии? По влиятельному пониманию Канта, автономия – это собственное, на основании моего разума данное мне самим законодательство, т.е. нормативные предписания для действия.

Рефлексивная проверка действий эпистемического авторитета

Второй аргумент касается иррелевантности теоретического содержания свидетельства авторитета для нашего признания истинным высказывания, в пользу которого говорит свидетельство авторитета. Свидетельство авторитета замещает собой теоретические основания в пользу p и убеждает нас в истинности p . Подразумевается, что распределенное таким образом доверие ставит нас в уязвимую ситуацию по отношению к авторитету в силу тезисов преимущественного характера свидетельства авторитета и независимости от содержания. И. Гаспаров указывает на то, что эпистемический авторитет в своих суждениях должен быть связан содержанием (т.е. истинностью суждения). В ином случае это может привести к злоупотреблению и произволу со стороны авторитета [Гаспаров, 2017, с. 120–122]. Потому нужно сверять свидетельство авторитета с содержательной истиной, что идет вразрез с тезисами преимущественности и иррелевантности содержания. Сходную критическую аргументацию высказал Н. Розов [Розов, 2018, с. 126–130], который настаивает на недопустимости слепого доверия авторитету и следования его указаниям и отсылает к научной практике критической перепроверки данных. К. Дорманди [Dormandy, 2018] аргументирует в пользу того, что авторитетное свидетельство не следует принимать в качестве указания для веры в p независимо от теоретических оснований, но скорее суммировать их, а не ставить их в отношении взаимоисключения. Тем самым критики в противовес тезису Загзебски склоняются к необходимости содержательного контроля за авторитетом и непосредственной проверки свидетельств авторитета. Иными словами, они выступают за критическое отношение к свидетельству эпистемического авторитета, так что свидетельство авторитета должно в лучшем случае рассматриваться наряду с другими в пользу мнения p . Совокупно из аргументов

Гетерономия – это принятие чужой, внешней для меня нормы как основания к действию не в силу моего осознанного, разумного решения или воления, но по другим причинам. Мы полагаем, что автономия в смысле способности произвольного действия сохраняется за субъектом всегда, так что я могу отказаться от принятия данной извне нормы либо же распознать и принять ее как свою собственную и соответствующую моим нормам. В конечном счете это решение о принятии нормы принимается только мной, эта способность не может быть отнята без лишения самой способности выносить суждения. Аналогично я могу автономно делегировать свое доверие и на основании моей делегированной автономии следовать указаниям авторитета. Гетерономия возникает тогда, когда я принимаю внешнюю мне норму в силу давления и принуждения, а не в силу собственного разумного решения или желания, когда я воспринимаю ее как чужую и противоречащую моим интересам и нормам.

оппонентов возникает ощущение, что Загзебски выступает в пользу необоснованно высокого доверия авторитету и эпистемической пассивности и отказа от субъектности.

Тем не менее указанные возражения оказываются слишком «легким» сомнением, которое упускает практикуемую нормативность распределения доверия и наделения статусом эпистемического авторитета. Кроме того, они бьют мимо цели, поскольку упускается природа личных оснований и доверия, составляющих основу для признания кого-либо авторитетом. Сама Загзебски отвергает такую критику, равно как и упрек в эпистемической пассивности, указывая на тот аспект, что авторитет должен проходить нашу саморефлективную проверку [Zagzebski, 2012, p. 158]. В случае непрохождения такой проверки наше доверие к авторитету (и тем самым его статус) может быть отозвано в силу нашего доверия к себе и автономии [Ibid., p. 116]. Тем самым субъектность не может быть отчуждена или делегирована безвозвратно.

Требование содержательного контроля за авторитетом упускает природу личных оснований, согласно которым мы присуждаем статус авторитета. Содержательный, теоретический контроль может предполагать или не предполагать общее доверие («доверяй, но проверяй»), однако он не совмещается с доверием, оказываемым авторитету. В случае недоверия свидетельство информанта не будет рассматриваться как истинное, в лучшем случае как заслуживающее независимой проверки. Свидетельство эпистемически заслуживающего доверия информанта будет в свою очередь воспринято с большим доверием, то есть как собственно одно из свидетельств в пользу *p*. Однако авторитетное свидетельство по определению отличается тем, что оно сразу дает нам достаточные основания (или даже, согласно Загзебски, накладывает обязательство) верить, что *p*, так что содержательный контроль оказывается избыточным. Поэтому можно сказать, что содержательный контроль свидетельства в момент сообщения не предполагает той степени доверия, которую мы оказываем эпистемическому авторитету. Требование установления такого контроля принципиально исключает роль авторитета. При необходимости проверки в момент сообщения информант не может считаться авторитетом в нормальных условиях. Доверие, оказываемое авторитету, позволяет принимать его свидетельство исключая все другие релевантные основания и независимо от содержания (теоретических оснований в пользу *p*). Отказ от содержательного контроля, вытекающего из доверия авторитету, позволяет экономить усилия и достичь истины лучшим образом ввиду отсутствия содержательного знания или при его меньшем объеме, чем у авторитета (если мы исключаем из рассмотрения ошибки, которые авторитет сам в состоянии заметить и исправить). Даже ничего не зная в некоторой предметной области, я буду в лучшем эпистемическом положении, если доверюсь

тому, кто (согласно моему суждению о способностях) лучше меня разбирается в этой области. Однако это не требует от авторитета полноты знания, что было бы слишком сильной посылкой, и не требует закрепления моего доверия навечно. Встретив более способного претендента или заметив деградацию эпистемических качеств и способностей авторитета, я произведу перераспределение доверия. Отказ от понятия эпистемического авторитета, вытекающий из представленных возражений, представляется необоснованным ввиду существенного затруднения эпистемической экономики.

В этом отношении для успешного распределения нашего эпистемического доверия важно понимать источник нашего восхищения эпистемической деятельностью авторитета (за счет рефлексивной проверки) и не оказывать доверия по случайным и внеэпистемическим мотивам. Это может иметь место, когда, например, известный спортсмен или артист рекламирует определенный товар, который, даже если оставить в стороне коммерческий характер рекламы, не имеет отношения к тому, за что мы можем им восхищаться. Другим проявлением необоснованного доверия является доверие по привычке или в силу лояльности, которая нелегитимно распространяется за пределы эпистемической компетенции авторитета или сохраняется после получения свидетельств о ненадежности, недобросовестного эпистемического поведения авторитета.

Из сказанного не следует то, что авторитет пользуется безграничным доверием, поскольку второе условие доверия по Загзебски, т.е. моя *будущая* рефлексивная самопроверка, контролирует осуществление эпистемической деятельности авторитета (тем самым также косвенным образом содержательно). Проверка осуществляется согласно нашим нормам и правилам, согласно которым авторитет оценивается как более способный и добросовестный, чем я, благодаря чему он может лучше меня достичь истины. Это условие позволяет регулировать степень оказываемого доверия, в том числе и в смысле отзыва доверия к конкретному авторитету, осуществляемого в силу нашей неотчуждаемой автономии суждения. Важным моментом является то, что такая проверка рефлексивна, то есть осуществляется впоследствии, а не в момент свидетельствования. Немедленная необходимость проверки несовместима со статусом авторитета. Кроме того, авторитет контролируется другими авторитетами в этой области, которые находятся в равном положении с этим авторитетом и в состоянии заметить ошибку или вести содержательный контроль. Авторитет коллективного Мы может контролироваться каждым из членов сообщества (оценка добросовестности) или же некоторыми авторитетными лицами (содержательная оценка).

Это подводит нас к мысли о социальном характере познания. Авторитет в широком смысле может означать единичного познающего агента, институцию или сообщество в целом, что указывает

на различные контексты. Тем не менее само понятие авторитета содержит в себе отсылку к коммунальному или общественному характеру познания, который проявляется уже в intersubъективном характере познавательных норм. Познание предстает как длительный процесс нормативного развития (уточнения и улучшения правил) и содержательного прироста знания [см. Zagzebski, 2012, p. 155–158]. По верному замечанию И. Гаспарова [Гаспаров, 2017, с. 120, 122], либеральная стратегия защиты авторитета отличается от традиционалистской именно тем, что авторитет нуждается в обосновании и статус авторитета может поэтому быть отозван в силу утраты доверия. Традиционалистская же модель настаивает на непогрешимости и безошибочности авторитета. Таким образом, защищая авторитет, Загзебски ведет речь о *погрешимом* авторитете и исходит из того, что наши убеждения могут оказаться пересмотрены, так же как и статус авторитета. Этот взгляд предлагает реабилитацию авторитета с учетом автономии единичного познающего агента и помогает преодолеть ограниченность его способностей, в то же время указывая на способы и основания возможности критики и пересмотра авторитетного статуса. Тем самым устанавливаются основания для гармоничных отношений авторитета (в т.ч. коллективного Мы) и единичного познающего агента¹⁰.

Список литературы

Бутаков, 2020 – Бутаков П.А. Как верить преданно и твердо? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 167–184.

Гаспаров, 2017 – Гаспаров И.Г. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 108–122.

Загзебски, 2017 – Загзебски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита / Пер. с англ. К.В. Карпова // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 92–107.

Маслов, 2020 – Маслов Д.К. Проблема доверия экспертному знанию // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 63–70.

Розов, 2018 – Розов Н.С. Эпистемический авторитет: ошибка в «либеральной защите» и ценностная альтернатива // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 120–135.

¹⁰ Ср. высказывание Гегеля в *Феноменологии* о коллективном фоне, зависимости от окружения каждого индивидуального сознания и также то, что такие индивидуальные сознания образуют коллективный субъект: Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я (“...*Ich, das Wir, und Wir, das Ich ist*”) [Hegel, 1988, S. 127].

References

- Butakov, P. “Kak verit’ predanno i tvrdo?” [How to Believe Faithfully and Firmly?], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 167–184. (In Russian)
- Dormandy, 2018 – Dormandy, C. “Epistemic Authority: Preemption or Proper Basing?”, *Erkenntnis*, 2018, 83, pp. 773–791.
- Hegel, 1988 – Hegel, G.W.F. *Phänomenologie Des Geistes*. Hamburg: F. Meiner Verlag, 1988, 631 S.
- Fricker, 2006 – Fricker, E. “Testimony and Epistemic Authority”, in: J. Lackey & E. Sosa (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press, 2006, pp. 225–250.
- Fumerton, 2006 – Fumerton, R. “The Epistemic Role of Testimony: Internalist and Externalist Perspectives”, in: J. Lackey & E. Sosa (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press, 2006, pp. 77–92.
- Gasparov, I. “Epistemicheskiy avtoritet i avtonomiya epistemicheskogo sub”ekta” [Epistemic Authority and Autonomy of the Epistemic Subject], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 108–122.
- Goldman, 2011 – Goldman, A. “Experts: Which One Should You Trust?”, in: A. Goldman & D. Whitcomb (eds) *Social Epistemology. Essential Readings*. New York: Oxford University Press, 2011, pp. 109–133.
- Keren, 2007 – Keren, A. “Epistemic Authority, Testimony and The Transmission of Knowledge”, *Episteme*, 2007, vol. 4, no. 3, pp. 368–381.
- Lehrer, K. “Testimony and Trustworthiness”, in: *The Epistemology of Testimony*. Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 145–159.
- Maslov, D. “Problema doveriya ekspertnomu znaniyu” [Trust in Expert Knowledge], *Tomsk State University Journal*, 2020, Iss. 453, pp. 63–70.
- Rosov, N. “Epistemicheskiy avtoritet: oshibka v liberal’noy zashchite i tsennostnaya al’ternativa” [Epistemic Authority: The Error of ‘Liberal Protection’ and the Value Alternative], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 120–135.
- Sextus Empiricus. *Outlines of Pyrrhonism*. Oxford: OUP, 2000.
- Wright, 2016 – Wright, S. “Epistemic Authority, Epistemic Preemption, and the Intellectual Virtues”, *Episteme*, 2016, vol. 13, no. 4, pp. 555–570.
- Zagzebski, 2012 – Zagzebski, L. *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: OUP, 2012, 279 pp.
- Zagzebski, 2017 – Zagzebski, L.; K.V. Karpov (trans.) “Epistemicheskiy avtoritet: sovremennaya liberalnaya zaschita” [Epistemic Authority: A Modern Liberal Defense], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 92–107. (In Russian)